

Э.А. Паин. *О границах космополитического видения:*

Разрешите мне высказать несколько соображений не столько о самом докладе профессора Бека, сколько по мотивам доклада. Я уверен, что мои коллеги рассмотрят основные концептуальные положения этого доклада, а мне позвольте поделиться мыслями, навеянными докладом, прежде всего о границах возможности использования самого термина «космополитизм» применительно к политической ситуации в современной России.

Существует множество определений космополитизма, можно предложить и новое, однако за каждым понятием закреплен шлейф значений и еще никому в мире, даже самым влиятельным мыслителям, не удавалось радикально изменить веками устоявшееся значение некоего понятия. Вот и космополитизм со времен первого использования Диогеном Синопским и его последователями, киниками, и вплоть до наших дней противопоставлял некий универсалистский взгляд на мир иному – взгляду с позиций локальной специфики и партикулярных интересов. Я полагаю, что эти противоположные взгляды неразрывно связаны между собой. Они соотносительны как понятия «левого» и «правого», «общего» и «частного». Вместе с тем в разные исторические периоды их пропорции и историческая роль различались.

Время Диогена – это период македонского правления в Греции, период упадка городов-полисов, когда локальная идентичность стала вытесняться универсальной – грек стал осознавать себя не столько гражданином города-полиса, сколько гражданином мира, по крайней мере эллинистического мира.

И в последующем универсализм преобладал именно в периоды объединений – эпохи конъюнкции, например в период борьбы с феодальной раздробленностью или, еще позднее, во времена образования классических империй.

Идея же культурной специфичности, особенности, напротив, преобладала в эпохи разделительных процессов, эпохи дизъюнкции, например распада

больших этнокультурных сообществ типа индоевропейского или эпохи распада империй и вычленения из них современных государств-наций. В такие эпохи важнейшую роль играли все формы антикосмополитического сознания, преобладала идентификация индивида с конкретной территорией, с родиной, с нацией как механизм локальной и групповой консолидации.

И так было тысячелетиями: каждому овощу свое время, а каждому времени преобладание то универсализма, космополитизма, то идей культурного обособления.

Однако современный мир представляет собой небывалое сочетание одновременно двух типов процессов – объединительных и разделительных. Все локальные сообщества связаны между собой как никогда ранее и зависимы друг от друга. Одновременно все яростнее проявляются процессы подчеркнутого выделения культурной специфичности этих сообществ. Я говорю об обостренном выражении национальных интересов государств в пределах единой Европы, проявлении различий интересов этнических, религиозных и региональных групп внутри государств.

Обычно все эти процессы рассматривают только как проблему и даже как несчастье, как проявление группового эгоизма или недоразвитости. Они, мол, не доросли до интеграции. *Позволю себе усомниться в справедливости тотально негативного взгляда на проявления культурной специфики.*

В научном сообществе нарастает понимание, что нет и не может быть единой однолинейной модернизации. Вот и проф. Бек в своих работах справедливо говорит о «множестве альтернативных направлений модернизации». Поиск же и освоение этих путей неразрывно связан с поиском своей специфичности.

Культурное разнообразие нарастает хотя бы в силу того, что гомогенные культуры дробятся. Сегодня говорят о Европе регионов, но вполне можно говорить и о Европе городов. Рост автономности, свободы в самоуправлении локальных сообществ чаще всего ведет и к росту осознания своей культурной инаковости. Более того, множество специальных

технологий подчеркивают эту инаковость, разрабатывая особые имиджи городов и регионов в качестве их культурного капитала.

А что в России? Мне понятен критический пафос выступлений моих европейских коллег в отношении наций-государств. В Европе они существуют уже более века и заметен кризис политий этого типа. Но Россия не nation-state. На мой взгляд, нулевые годы были временем возрождения имперского универсализма в территориальном управлении России. Была воссоздана иерархия наместников, назначаемых центром для управления провинциями; изменилась налоговая политика в пользу центра. Он же произвольно определял и определяет распределение бюджетных средств. Только вчера была обнародована правительственная программа инвестиций в Северо-Кавказский регион в размере 1,7 трлн руб. до 2025 года. Огромные вливания в северокавказские республики, не сопоставимые с вложениями в другие регионы, ныне попадают в руки лишь узких элитарных групп. И этот подкуп местных элит для центральной власти окупается лишь сверхвысоким процентом голосов, регулярно подаваемых за президента и его партию, хотя все понимают, что голоса эти мифические, сродни гоголевским «мертвым душам». Поэтому нет ничего удивительного в том, что нынешние протестные настроения в Москве включают в себя и антиимперские требования.

Заметную часть протестных антиимперских сил составляют русские националисты. Полагаю, что русский национализм как антиимперский и соответствующий классическим его признакам как сколько-нибудь массовое явление появился только сейчас. Все, что называли русским национализмом до наших дней с начала XX века, было лишь имперским шовинизмом, который выступал с позиций сохранения и расширения империи. Я солидарен с Михаилом Ходорковским, который из своего заточения выступает с идеей поддержки позитивной роли нового антиимперского национализма *лишь* на стадии разложения империи.

Однако национализма в России боятся. Но ведь не только у нас – его негативные стороны хорошо известны во всем мире. У меня вопрос: а что, противоположный ему космополитизм всегда позитивный?

Напомню, что марксизм был космополитической идеологией, таковым был и ранний большевизм в России, и слова В. Маяковского «чтобы в мире без России, без Латвий, жить единым человечьим общежитьем» отражали его суть. Но под космополитическими лозунгами Красная армия в 1940 году присоединяла республики Балтии к СССР, и не стало ни «Россий», ни «Латвий» как суверенных государств.

Сегодня радикальные исламистские движения на Северном Кавказе выступают с космополитических позиций – они против этнической автаркии и против местного патриотизма, они сторонники всемирной глобальной исламской уммы. И некоторые из них добиваются этого в рядах вооруженных, радикальных террористических групп.

Наконец, возьмем неагрессивный, бытовой, самый мирный космополитизм. Диоген был космополитом, путешественником, поскольку не был привязан к месту – ни домом (мог жить в бочке), ни имуществом (кружку и ту выбросил, когда убедился, что можно пить воду и без нее). Нынешние граждане мира тоже не привязаны к одному месту и могут легко переселяться в разные страны, но по другой причине – у них достаточные финансовые накопления или высокий интеллектуальный капитал. И замечательно, что у них есть возможность выбора. Как правило, это наиболее предприимчивая, образованная и квалифицированная часть общества – ее мозги, которые сегодня утекают из России. Говорят, измените условия – и они не побегут. Возможно, но кто будет их менять? Для этого нужно кому-то из людей с высоким культурным капиталом остаться в данной стране, претерпеть некий дискомфорт, а иногда серьезные опасности, куда большие, чем политически мотивированные обыски или травля в прессе. Чтобы все это перенести, космополитического самосознания недостаточно.

Нужно продемонстрировать некую повышенную привязанность к данному месту в сравнении с другими.

В современных условиях, как никогда раньше, необходимо совмещение как космополитического взгляда, так и видения с позиций культурных особенностей и партикулярных интересов. Необходимо совмещение сознания глобального (мы теперь все граждане мира, по крайней мере зависимы от него) с сознанием локальным (некоторые места на Земле любого из нас удерживают больше других, и мы уделяем им наибольшее внимание). Меня очень радует, что и проф. Бек предлагает именно синтетический взгляд на мир, но я очень сомневаюсь, что это новое видение можно втиснуть в старую терминологию космополитизма, *за которой закрепилось иное содержание*. «Космополитизацию» невозможно отличить от известного уже несколько тысячелетий «космополитизма». Новые понятия нуждаются и в новых терминах.

Центральная идея Бека – это замена методологического национализма некой более широкой идеей «космополитизации». Это идея утопичная, но если бы ее осуществили, то последствия не вызывали бы оптимизма. Попробуйте заменить эгоистический взгляд больного на широкий взгляд медицинского персонала – и вы получите не только советскую больницу, но и советский тоталитаризм. Но и другая замена общего частным опасна. Например, в политике, когда остро необходимые профессиональные и иногда болезненные по последствиям решения ответственных политических сил душатся стереотипами толпы.

В России особенно велик риск попасть в ловушку одностороннего взгляда на общее и особенное. У нас сложилась официозная политика «особого пути России», которая на самом деле никакого пути не предусматривает, это консервативная идеология застоя, а «особость» используется идеологами нынешнего режима только для того, чтобы с ее помощью заслониться от крайне невыгодных для властей сравнений положения дел в России со странами Запада. Однако все явственнее

проявляется и другая угроза – полного отказа от учета специфичности России, например того факта, что, оставаясь империей, наша страна не сможет интегрироваться в единую Европу. России еще придется пройти путь национального государства, который может показаться архаичным некоторым российским западникам.

Человечество давно придумало способ решения проблемы дуализма «общего» и частного», «универсального» и «особенного». Он не в замене, не в вытеснении одного другим, а в их взаимной дополнительности. Зачем смотреть в один окуляр, когда есть бинокль?